

Тень моя совсем не изменилась.
Кто-то черный приручил ее.
Пляшет, пляшет по стенному илу.
То нырнет, то вспыхнет, то нырнет.

Короедом в оболочке дома,
дымной статуэткой, ерундой.
Тень моя! мне — больно, мне — знакомо.
Не ходи, пожалуйста, за мной.

Да — росла (задумчиво и плохо).
Да — считала дедушку глухим.
Зря ты мне поверила, дуреха, —
ядовиты ранние стихи.

Что в тебе, свечной, несправедливой,
нежной, как перины молоко,
общего — с житьем моим постылым?
общего — с холеным холодком?

Что прошло — то было-было-было.
Нечего на опытность пенять.
Тень моя с другим не изменила.
Только непохожа на меня.

Царапинка

Войди в мой дом, в бессмысленную речь,
в мой жаркий дом, в холодную водицу.
Я не могу тебя отсечь, сберечь,
я не могу внутри тебя родиться.

Я так ушла! (Уснула? Умерла?
Переменилась? Выжила? Возникла?)
Что слышу гул приморского села
от каждого прилавка с земляникой.

Хотя с чего б!.. Притворствуй, растворись,
зови на вы, как в куртуазном споре.
Я так ушла, что плещется внутри
никем не различаемое море.

Царапинка — синяк — надрез — надлом,
ожог — нехватка — страх — любовь к Парижу?
Войди в мой дом, хотя бы через сон,
испуганная родина, войди же.

Короткий обморок сирени
был неглубок, но Мандельштам
вернул кустарник сизой лени,
лиловых сумерек рукам.

И обморок остался — шуплый
отросток лета на сносках.
Сирень — была. Хотелось щупать,
разламывать, в рисунок взять.

Сирень — была. Сиреневела.
Звала шелковицу в пажи.
Так девочка в наряде смелом
от взрослости своей бежит.

Так мальчик, осознав охоту,
грозит рогаткой воронью.
Короткий обморок. Всего-то?
Сирень-сирень-сирень. Июнь!

Айва

Зрелость с наполнителем «Айва»
медленно вползает на весы.
Август был хитер и тороват —
лишь цыплят по осени просил:
— Не взрослейте, цыпы, не взросле...
Не взрослеешь — значит, не съедят.

Девушка-сентябрь навеселе
листьями смущает Москвоград.
В третьем «б» эсминцы мастерят
из бумаги, лучшей во дворе.
Не считай по осени солдат,
не ищи ошибок в букваре.
Зрелость с наполнителем.
Семья.
Семечки под лавочкой грустят.
Август был решителен, но прян.
Август был решительней, а я?

Мертвые растут до самых звезд.
Медуница, донник — рвы да рвы.
Вот Сергей Иванович, он — прост.
Он всегда хотел быть зерновым.

Сложно мыслям в травяной избе.
Рвутся-рвутся, потому растут.
Вот Франциск Филиппович Лаббе.
Он когда-то похоронен тут.

Слой за слоем — и числа им несть.
Катит камушек тудяга-муравей.
Мертвые растут, пока мы здесь.
Не ходи без стука по траве.

Молочник

Был человечком непрочным,
пряником с высохшим дном.
Где же ты, птица-молочник,
скользкий бидон с молоком.

Масло, кефир, простокваша
в год девяносто (какой)
мимо балкона пропляшут:
— Дяденька, есть молоко?

Улица вырастет. Тонок,
лопнет асфальт пузырьком.
Вырвется птица-бочонок,
и улетит молоко.

Детства трава худосочна.
Впрочем, не умер пока,
помни, как птица-молочник
реет среди молока.

Девичья

Десять лет прошло, любимый!
Ты женился не на мне.
Пахнут солью, домом, дымом
души, мертвые вполне.

Тяжело обиду мерять —
так и просится в строку.
Десять лет прошло как девять.
Я и семьдесят смогу.

То короткими, то длинной,
то рифмованно, то без.
Мне беда мешала согнуть —
отнимала у небес.

Слово к слову, льдинка к льдине,
три-пять-десять, дорогой.
Все сошлось. Осталось имя.
Хорошо тебе с другой?

Андерсен

Непроходимый свет тебе дорогой,
мой дорогой, дражайший,
лет даже
закончилось.
Сошли слова, как ноготь, —
и тяжело не помнится уже.
И тяжело не дымом, не дыханьем,
не прелестью, не прелостью вериг.
Чирик-чирик —
не ощущаю тайны.
Прости меня, воробушек,
— чирик.
Мифологемой нашего романа,
как говорил коллегам герр Мазох,
явился датский Ханса Кристиана.
Там оловянный парень занемог.

Там балерины плавится излишек —
большая жизнь, расплывчатая смерть.
Непроходимый свет меня услышал.
Попробуй сам его преодолеть.

Бабушкина почта

«Давай поженемся немедленно,
пока война не началась,
пока с преданиями летними
еще удерживаем связь.

Я превращаюсь в меланхолика.
Жуки над вишнями снуют.
Что Берислав — четыре домика.
Поедем в Винницу, Анют.

Там Пирогова внуки бросили,
там сосны с детства корабли.
Давай поженемся — до осени
я независим от ИФЛИ.

Жизнь без тебя — котенок раненый:
все трется, трется головой...»
Его убили в Померании,
ее убили — под Москвой.

Кореиз

Приятно в поселке, в котором ты вырос.
Соседская бабушка видела примус.
У смуглой Оксаны во рту сигаретка.
На шишках сосновых танцует левретка,
а может, семейство расчетливых чаек...
Приятно жить в городе. Там, где не знают
ни толстых домов, ни проспектов пространных,
ни как называют в Москве баклажаны,
зато отличают подгруздок от груздя,
купанием долгим спасают от грусти
сметанных туристок соседних локаций.
Приятно на острове лет в девятнадцать.
(Не остров! не остров! у острова — шея!
конечно, не остров: снаружи виднее —
кагор, Воронцов, водопады, колонны.)
Приятно в деревне, с которой ты скван.

Из рыжей земли на кровавом кизиле
тебя, как подснежник, деревья растили.
И солнце цвело, и тетёшкала осень.
Приятно в поселке, который ты бросил.

АЛТЫН

Я выпадаю из среды —
пушистый маленький четверг —
Ненужность редкая!
Алтын
среди блистающих коллег.
Плыви, как все.
Живи, как все.
Благонадежность точка ком.
Увидишь старость в Туапсе,
увидишь профиль под замком.
Быть может, книжки издадут,
Быть может, печень удалишь.
Чтоб зарабатывать на брют,
учись согласию, братиш.
Учись отбрасывать коньки
методой сталинских орлов —
пускай взлетает Арлекин
из тела пленного Пьеро.
...И коромыслом гнется дым...
...Налив на блюдечке с каймой...
— Пошло все к ямбу!
Я алтын,
ордынский, гибельный, простой.

ЭВОЛЮЦИЯ

Из подушек на пухлых креслах,
в изразцовой печи небесной,
на овсянке и молоке
я настаивалась, старела,
целовала, лгала, смелела,
переламываясь в руке.

Я смотрю на себя — не верю:
что мне делать? какому зверю
уподобиться? где найти —
саламандры, лягушки, змеи —
чьи аллели внутри алеют?
кто с фонариком впереди?

С чьим дыханьем чешуекрылым
над смолистой склонюсь могилой
(земляничное слово: лес!).
Плауны привечают гостя,
зеленеют неяркой злостью
и календула и чабрец.

Может, все-таки к моховидным?
После жизни бревна не видно,
а при жизни — туман свинцов.
Но не выбраться. Давит тайна.
И глядит на меня зеркально
человеческое лицо.

Космогония

Я боюсь, что суп остынет.
Я боюсь, что дом исчезнет,
что останутся от места
ножки, рожки, пенопласт.

Оживет проспект Вернадский,
встанет панцирем железным,
потечет слюной по небу
и по совести воздаст.

Уплывут дома-колодцы,
догорят высотки-свечи,
разрастутся снова сосны,
и березы, и репей.

И тогда проспект Вернадский
упадет землей на плечи,
превратится вьюга в стаю
очень белых лебедей.

Из земли родится голем,
из него добудут глину,
расфасуют по адамам
для иванов и марусь.

Новый вырастет Вернадский,
леденящий, стройный, длинный,
и в его бетонном пальце
я случайно появлюсь.

Эмиграция

Меня затрагивает жизнь
холодной лапой октября,
щенком, прирученным в Крыму,
безвкусным чудом Nescafe.
Меня растрчивает жизнь.
И я пытаюсь второпях
здесь научиться жить и жать
масличной тяжестью морфем.

Приставки, суффиксы, софизм.
Рифмовка вяжет узелок, садится тихо в самолет,
и эмигри- , и эмигр-ать.
Меня расплющивает жизнь. Песчаной змейки поворот
так выбивает из-под ног,
так выворачивает вспять.

Я — Эми Грант,
I am Мегрэ.
Я детектива персонаж —
размиллионенный, пустой, и все улики налицо.
Так забывают на земле
простивший небо экипаж.
Так убивают в тишине.
Так объясняются с отцом.

Так оставляют маму ждать,
и ждать, и ждать (за скайпом дверь).
Плюс тридцать, Родине легко, в осенних плавках не ходи.
Я — эмигрант,
я — вор,
я — зверь,
не примиренный с миром зверь,
не подчиненный миру зверь
с горячим камушком в груди.

Салочки

— Чей ты будешь?
— А ничей.
Я бездомный книгочей.
И бездомный.
И глухой.
Разве выдержать со мной?

Кукла вроде ростовая.
Не касайся — куклы тают.

Исчезают в крошках дня,
лишь шаги вдали звенят.

Не болтают, не грустят,
только рифмой шелестят.

Правда, вольное житье?
я — ничей, ничья, ничье.

Васильки

Приятно знать, что существую я
не только в прилагательных излишних.
Что седины безвременная дрянь
не заменяет радужность афиши.

Что голос мой, утешен и спасен
москитной сеткой аглицких колонок,
организует хилый гарнизон
среди чужой поэзии бессонной,

Что василькам глаза мои соврут
— хвостом прикроет солнышко-лисица, —
что кровь, перегревающая ртуть,
остынет, затвердеет, растворится.

Что я сойду, и ты сойдешь, и мы
блеснем чешуйкой в остовах драконьих.
Приятно знать, что существует Крым.
И тяжело — что там не похоронят.

